

Юрий Стукалин

ИНДЕЙСКИЕ ВОЙНЫ

«Белые люди давали нам много обещаний, но сдержали только одно. Они обещали забрать нашу землю, и они сделали это».

Вождь сиу Красное Облако

5

ПЯТЫЙ РИМ

Юрий Стукалин

ИНДЕЙСКИЕ ВОЙНЫ

КАК БЫЛ ЗАВОЕВАН
ДИКИЙ ЗАПАД

ПЯТЫЙ РИМ
МОСКВА
2018

УДК 355/359
ББК 68
С 88

Оформление переплета М. Левыкина

Стукалин Ю.В.

С 88 Индейские войны. Как был завоеван Дикий Запад. — М.: Издательство «Пятый Рим» (ООО «Бестселлер»), 2018. — С. 288, ил.

ISBN 978-5-9500936-8-5

Исчерпывающий рассказ о жестоких и кровопролитных войнах армии США с индейцами Дикого Запада от ведущего российского специалиста по истории и культуре коренных американцев. Год за годом выпускники знаменитого Вест-Пойнта терпели поражения от «примитивных дикарей», изучавших искусство войны не за партами военной академии, а на практике. «Последнюю пулю сохрани для себя», — таковой была расхожая фраза, которую слышали новобранцы от своих офицеров перед боем с индейскими воинами. Массовые убийства и скальпирование женщин и детей, нарушение мирных договоров — нет преступления, которое не совершили бы американские «цивилизаторы», руководствуясь людоедским афоризмом генерала Шеридана: «Хороший индеец — мертвый индеец».

**УДК 355/359
ББК 68**

ISBN 978-5-9500936-8-5

© Стукалин Ю.В., 2018
© Издательство «Пятый Рим»™, 2018
© ООО «Бестселлер», 2018

ЮЖНЫЕ РАВНИНЫ. ПЕРВАЯ КРОВЬ, 1705–1820 гг.

История завоевания Дикого Запада — обширной территории, лежащей в центре Северо-американского континента, и известной, как Великие равнины, началась с попытки колонизации испанцами северных границ Новой Мексики. Местные индейские племена пытались оказать сопротивление, но никто не мог сравниться с команчами, ставшими настоящим барьером на пути продвижения испанцев на север вглубь неосвоенных земель.

Команчи были самым могучим и воинственным народом Южных равнин. Ни одно другое из равнинных племен не может похвастаться такой долгой борьбой против нашествия белых людей, как они. Команчи сражались за свою свободу с начала XVIII века — почти 170 лет! С момента своего появления на Равнинах они вели постоянные войны с краснокожими и бледнолицыми соседями.

В прошлом команчи являлись частью южных групп восточных шошонов, живших вблизи верхних оконечностей р. Платт на востоке штата Вайоминг. После того как первые группы команчей получили лошадей, они начали перемещаться на юг и уже в первом десятилетии XVIII в. стали конным народом, безраздельно доминирующим на огромном пространстве Новой Мексики.

Сами команчи называли себя не-ме-на, от «нем» — «Люди», но на Равнинах, как и шошоны, были известны как «Змеи». Тому существует два объяснения. Вождь Куана Паркер рассказывал, что однажды племя переходило через горы в поисках новых охотничьих угодий и часть людей из-за наступивших холодов потребовала вернуться назад. Разгневанный вождь на совете сравнил их со змеями, пятащейся назад по своему следу. Отсюда и появилось название Змея, Ползущая Назад. По другой версии, часть племени повернула назад во время миграции на юг из-за появившихся впереди волков, и именно эту группу первоначально и прозвали Змеями.

Команчи состояли из нескольких (от 8 до 12) родственных, но абсолютно независимых племен, каждое из которых делилось на множество общин. Лишь наиболее крупные племена получили постоянное название, а некоторые так и остались неизвестными. В конце XVIII в. испанцы Новой Мексики выделяли три основные ветви команчей — северную, центральную и южную. В 1860 г. Р. Нейборс различал 8 племен; Д. Муни позже писал о 13, а Р. Лаум в 1913 г. упомянул только о четырех. Р. Томас, долго живший среди команчей в резервации, называл 20 племен, шесть из которых стояли на грани распада и вымирания. В целом же для второй половины XIX в. можно выделить пять основных племен: пенатеки, котсотеки, нокони, ямпарики и квахади. Впоследствии пенатеки достаточно активно помогали армии США против сородичей, и память об этом до сих пор жива среди команчей. Квахади последними покорились американцам.

Команчи были признанными бойцами Южных равнин и на протяжении почти двух столетий наводили ужас на испанских, мексиканских, а затем и американских поселенцев. Неизвестный

На протяжении почти двух столетий команчи наводили ужас на испанских, мексиканских, а затем и американских поселенцев.

Худ. У. Х. Дантон

Воин кайова с женой

картограф отметил на испанской карте 1760 года, что команчи «являются грабителями и убийцами» и «в высшей степени искусны в верховой езде и стрельбе из ружей, получаемых от французов». Полковник Ричард Додж считал команчей и их союзни-

Белый Волк, команч

ков кайовов «современными спартанцами». Томас Джеймс в начале XIX в. называл команчей «самым могущественным племенем на континенте» и в связи с этим отмечал необходимость установления мирных отношений с ними. Томас Фарнхэм писал: «Они бесподобные наездники, а их ужасные атаки, несравненная скорость, с которой они перезаряжают винтовки и стреляют, а также их неутолимая ненависть делают вражду с ними более страшной, чем с любым другим племенем». Ной Смитвик вспоминал: «Никто из тех, кто имел возможность испытать храбрость команчей, никогда не назовет их трусами... Я не знаю ни одного случая, когда бы их воин

покорился плену — они бьются до смерти. В двух разных сражениях я был свидетелем того, как раненый воин, лежа спиной на земле, дрался до тех пор, пока его не убили». Мэрсси также отмечал в начале 1850-х гг., что команчи настолько высоко ценят свободу, что скорее убьют себя, чем позволят взять в плен. Даже женщины порой поступали так. Однажды, во время мексиканского периода, солдаты в Техасе захватили женщину команчей, которая по пути в гарнизон попросила нож, чтобы вытащить из ноги колючку. Схватив его, она немедленно вонзила его себе в сердце. Уильям Кларк писал о команчах: «Среди индейских племен они имеют репутацию храбрых бойцов».

До 1750 г. команчи часто применяли в боях кожаные доспехи, прикрывавшие тело воина и его скакуна, и огромные щиты, но с появлением большого количества ружей отказались от них и начали использовать тактику легкой кавалерии. К 1800 г. команчи владели такими огромными табунами, какими не могло похвастаться

ни одно племя. Все они были получены в результате нападений на испанские поселения и пресидио. Еще в 1775 г. губернатор Новой Мексики жаловался, что, несмотря на постоянное снабжение вверенной ему территории лошадьми из Старой Мексики, команчи в своих набегах уводят так много коней, что у него не хватает животных даже для того, чтобы организовать погоню. Возвращаясь из экспедиций, воины команчей любили надевать на себя часть захваченной добычи, даже женские шляпки и корсеты, а некоторые

Воин кайова

**Воин из племени людоедов тонкава,
заклятых врагов команчей**

из них прикрывались от палящего солнца дамскими зонтиками. Зрелище, несомненно, было весьма комично, если бы они не были так опасны.

Лошадь стала для команчей неотъемлемым атрибутом, и они повсеместно признавались лучшими конниками Равнин. Пеший

команч был опасен, но не более того — пешие апачи, пауни и осейджи были гораздо более серьезными противниками. Но когда команч мчался на боевом скакуне, мало кто мог сравниться с ним в воинской удали. Он становился единым целым со своим конем — краснокожим кентавром Великих Равнин.

Интересно отметить, что команчи, в отличие от представителей большинства племен, практически никогда не покупали предлагаемой им торговцами «огненной воды», тогда как для многих племен алкоголь стал настоящим бедствием.

Репутация у команчей была двойкой: одни говорили о них, как о народе коварном, другие, как о честном и гостеприимном. И действительно, человека, находящегося в лагере на правах гостя и пользующегося уважением, индейцы обычно не давали в обиду. Техасец Ной Смитвик писал, что, несмотря на все утверждения о коварстве команчей, у него есть много причин, чтобы не согласиться с этим. Однажды он находился в их лагере, когда прибыл военный отряд племени вако. Они жаждали крови. Узнав о присутствии белого человека, вако раскрасили себя, надели военные одежды и потребовали выдать им врага. Но вождь команчей Мугуара встал на его защиту: «Нет! Этот человек мой друг и сперва вам придется убить меня! Если хоть один волос падет с его головы, никто из вас не выйдет отсюда живым!» Воины команчей окружили Смитвика с луками и копьями в руках и вако пришлось отступить. С другой стороны, известны иные случаи. Антрополог и натуралист Жан Луи Берландье, изучавший индейцев Техаса в 1820–1830-х гг., справедливо отмечал: «Мы до сих пор не знаем, при каких обстоятельствах индейцы проявят гостеприимство, или это всего лишь зависит от их каприза. Мы можем лишь точно утверждать, что иногда они вероломны, а иногда полны человечности и доброй воли даже по отношению к своим врагам».

Команчи много торговали захваченными лошадьми, и их язык использовался на Южных равнинах для межплеменного общения, став своего рода «торговым языком», известным представителям разных племен. Этим, вероятно, объясняется тот факт, что команчи плохо владели языком жестов, который был так хорошо известен другим равнинным племенам.

Любопытно, что огромный процент среди команчей составляли пленники, которые вырастали среди них и становились полноправными членами племени, в большинстве случаев не желая

возвращаться обратно. Белые и мексиканские мальчики, попадавшие в плен к команчам, обычно принимались в племя после серии жестоких испытаний, в которых индейцы проверяли их стойкость суровым обращением и угрозой смерти. Их привязывали к столбу, с угрожающими жестами и устрашающими воплями хлестали, грозили изрубить, застрелить, сжечь. Некоторые дети не переживали таких мучений, а выдержавшие испытание становились рабами и им давалась черная работа. Если ребенок проявлял характер, соответствующий команчским стандартам, его ожидали лучшие дни. Его могли усыновить. Позднее ему предоставлялась возможность участвовать в набегах и битвах. Если он проявлял доблесть, то

Воин юта и его сын

мог стать уважаемым воином и достичь равного положения с чистокровными команчами. Пленники, по большей части мексиканцы, занимались также ремеслами: починкой ружей, изготовлением седел. Пленные женщины становились верными женами и тем самым тоже могли добиться общественного признания.

В определенный момент захват пленников команчами принял такие размеры, что принял формы настоящего бедствия на Фронтире¹, и стал весьма доходным бизнесом для племени. Выкуп, который можно было получить от родственников и властей, стимулировал воинов к дальнейшим захватам. Даже при мирных переговорах команчи обычно отказывались

возвращать пленников без выкупа. Команчи вели широкую торговлю захваченными пленниками, и во время набегов на Мексику зачастую предпочитали вместо лошадей увести мексиканских детей. Некоторые вожди пытались остановить захват в плен белых женщин и детей, и даже выкупали пленников у других команчей и освобождали их. Известны случаи, когда великие воины плакали из-за того, что их пленника, к которому они привязались и полюбили, возвращали его народу. Самой известной белой пленницей среди индейцев Дикого Запада была Синтия Паркер, захваченная команчами в 1836 г., и ставшая женой влиятельного вождя Пета Нокона. Одним из их сыновей был Куана Паркер —

**Лидер кайова по имени
Курчавая Голова**

¹ Границей или фронтиром в США называли оконечность заселенных белыми людьми земель, граничившую с территориями свободных индейских племен. Она никогда не была четко очерченной и с продвижением белых переселенцев на запад постоянно менялась.

наиболее непримиримый вождь команчей (квахади) в войнах с армией США.

Белые и мексиканские пленники команчей часто становились известными воинами и пользовались большим уважением в племени. Интересна история Мочорука, умершего в резервации в октябре 1915 г. в возрасте приблизительно 89 лет. В середине 1820-х гг. он был пленен во время нападения на некий мексиканский городок, был выращен команчем и приобрел репутацию великого воина. Среди команчей он считался одним из самых жестоких бойцов. Индейцы говорили, что Мочорук никогда не брал пленников, а безжалостно убивал всех. На его счету было несчетное количество скальпов. О его деяниях свидетельствовала веревка длиной около десяти метров, сплетенная из волос убитых им мексиканок, индейнок и американок. Многие индейцы плели веревки из сыромятной кожи или конского волоса, но Мочорук был единственным, кто сплел ее из человеческих волос. Сам он говорил о себе: «Команчи настолько жестоки, что в жилах белокожих стынет кровь. Но Мочорук... так жесток, что от него стынет кровь даже в жилах команчей». Команчи нередко указывали на факт, что из пленников вырастали самые непримиримые и дерзкие воины. Берландье так же отмечал, что попавшие в плен маленькие мальчики, вырастая, становились такими активными и жестокими бойцами, что люди из гарнизонов боялись их гораздо больше, чем самих команчей. Команч по имени Трещина рассказывал, что его тесть был таким приемышем. Он неоднократно подбрасывал захваченных в плен детей в воздух и ловил их на острие своего копья.

Кайовы, ставшие в последствии верными союзниками команчей, в отличие от них, практически никогда не брали пленников ради выгоды и почти всегда во время нападений предпочтение отдавали захвату лошадям. Если они все же брали пленников, то одного-трех за набег, но не более. Среди них жило много пленников, которые представляли все племена и народы, с которыми кайовы воевали — мексиканцы, пауни, осейджи, юты и даже американцы. В плен брали только женщин и детей. В отличие от представителей других племен, чистокровные кайовы никогда не забывали происхождение пленника, его социальный статус всегда был низок, каким бы богатым он не становился. Во время ссор, первое, что говорил такому человеку чистокровный кайова: «Ты всего лишь пленник!» — то есть: «Знай свое место».

Придя в гнев от потери сородичей в бою, команчи прибегали к крайне варварским способам мщения. Нельсон Ли, проведший три года в плену у команчей (с апреля 1855 г. по ноябрь 1858 г.), описал церемонию умерщвления пленников. В четверти мили от своего поселения команчи врыли высокие столбы, отстоявшие друг от друга приблизительно на метр. К ним привязали четверых нагих пленников — руки как можно выше (правую руку к правому столбу, а левую к левому), а ноги у основания столбов. Неподалеку расположился вождь и старики-мужчины. Затем появилась цепочка из двухсот воинов, возглавляемая военным вождем. Каждый воин нес в одной руке нож или томагавк, а в другой острый кремь, выточенный в виде наконечника стрелы. Все происходило в полной тишине. Когда колонна проходила вокруг пленников, из ее рядов выскочили два молодых воина и, схватив двух бедняг за волосы, с воплями срезали с их голов по крошечному скальпу, после чего все краснокожие остановились на полминуты и сообща издали военный клич. Затем колонна продолжила молчаливый ход по кругу, не обращая внимания на двух оставшихся пленников. Когда она приблизилась во второй раз, в дело пошли кремневые наконечники — каждый воин, проходя мимо двух жертв, с диким визгом сотрясал перед их лицами томагавком, а затем кремнем наносил на тела несчастных неглубокий, но кровоточащий порез. Сколько кругов сделали воины Ли не мог сказать, но тела жертв в итоге превратились в сплошную кровавую массу, из которой медленно уходила жизнь. По ходу действия воины даже устроили себе получасовую передышку — некоторые прилегали покурить, другие собрались небольшими группками. Все

**Вождь кайова-апачей
Серый Орел**

они смеялись и шутили, тыча пальцами в сторону обливающихся кровью пленников. Через пару часов на очередном круге колонна остановилась, от нее отделилось два воина. Они танцевали около десяти минут, издавая военные кличи, а затем томагавками размозжили обоим жертвам черепа. На этом все было закончено. Двум другим пленникам сохранили жизнь.

В другом случае отряд команчей захватил врасплох небольшую группу людоедов из племени тонкава, жаривших воина-команча, готовясь к его ритуальному поеданию. Команчи скальпировали тонкавов, отрубили им руки и ноги, вырезали языки, после чего бросили изувеченные тела живых и мертвых в костер, подкинув туда дров. Когда жертвы застонали, моля о пощаде, а жир и кровь заструились с их лопающихся от жара тел, команчи устроили пляску вокруг огня.

Когда воины команчей планировали быстрый бросок на врага и такое же быстрое бегство, они оставляли женщин и детей в лагере, чтобы передвигаться насколько возможно менее обремененными. Предводитель, а также воины, имевшие священные магические щиты, могли брать с собой женщин, чтобы те помогали им с воинским скарбом, однако они редко пользовались этой привилегией. Тем не менее, женщины команчей часто сопровождали мужей в военных экспедициях, и при столкновениях с врагами не только охраняли дополнительных лошадей и добычу, но и прикрывали воинов стрельбой из луков. Техасские рейнджеры¹ считали их не менее опасными, чем индейцев-мужчин и убивали не задумываясь. Позже также поступали и кавалеристы США. Хотя нельзя не согласиться, что в поднимаемой в ходе битвы пыли и дыму не всегда было легко отличить женщину от воина.

Интересны упоминания об индеанках, участницах нападений крупных сил команчей на белые поселения. Зимой 1835–1836 гг. военный отряд команчей отправился в Мексику. Окружив город Монклова, в котором проживало приблизительно 2000 человек, они убили 50 мексиканцев. Находившийся с команчами

¹ Первый отряд так называемых техасских рейнджеров — группы добровольцев, использующих против команчей их же тактику легкой и мобильной кавалерии, был организован в Техасе Стивеном Остином еще в 1823 г. Окончательно такие отряды оформились в ноябре 1835 г., став силой, способной противостоять враждебным индейцам. Впоследствии американская армия многое переняла от них, и эти уроки были использованы ею во время Гражданской войны генералами Стюартом, Форрестом и Шериданом.

Джеймс Хоббс, ранее плененный ими и ставший полноценным воином, позднее писал, что во время боя впереди атакующих воинов на быстром коне скакала молодая девушка. Хоббс отмечал, что она великолепно держалась на лошади и стреляла из лука. Спустя лет восемь, в ноябре 1844 г., в газете города Дуранго «El Registro Oficial» среди прочих сообщений о набегах команчей упоминалось нападение отряда из 500 воинов, в котором участвовала изысканно одетая девушка на большом коне, увешанном многочисленными украшениями. Отыскавший детали этого события американский историк Ральф Смит назвал ее «своего рода индейской Жанной д'Арк», считая, что ее ролью было воодушевлять воинов в битве. Другая ее соплеменница была убита во время резни, устроенной техасцами над мирной делегацией команчей 19 марта 1840 г. в Сан-Антонио. Одному из вождей удалось укрыться в каменном доме, из окна которого он начал отстреливаться из лука. С ним была его жена, одетая как воин. Вдвоем они оказали такое яростное сопротивление, что выбить их не представлялось возможным. Тогда один из техасцев взобрался на крышу, проделал в ней дыру и бросил внутрь горящий скипидар. Вождь с женой выскочили наружу, где были скошены ружейными выстрелами.¹

История команчей началась в 1705 г., когда юты впервые привели их торговать в Таос. После этого они стали основными противниками одного из самых могучих племен Равнин того времени — равнинных апачей (падуков). В 1723 г. война между команчами, ютами и равнинными апачами достигла своего кровавого предела. Две испанские военные экспедиции, посланные на помощь апачам, не смогли обнаружить лагерей команчей и ютов. В 1724 г. у гор Эль-Гран-Сьерра-де-эль-Фьерро произошла девятидневная битва, в результате которой апачи были разгромлены и рассеяны.

¹ Следует отметить, что существуют несколько описаний этого события, в которых о женщине-воине не упоминается. К примеру, миссис Мэверик сообщала, что это произошло в доме ее соседа Хиггинботема. Двое команчей засели у него на кухне. Они упорно отказывались сдаваться и только ночью их смогли выкурить из дома. В два часа ночи некий Антон Локмар и его приятель забрались на крышу и через отверстие в кровле сбросили вниз пропитанный скипидаром горящий узел тряпья. Команчи выскочили наружу. Первому из них разрубили голову топором, второго застрелили. А вот в рапорте Маклеода говорится об одиноком воине.

Приблизительно в 1730 г. союз команчей и ютов распался и следующие 50 лет между ними шла война. К 1749 г. юты попросили испанцев защитить их от команчей, а в 1750-ом вновь заключили союз с хикарийя-апачами против общего врага. Постепенно вытесняя ютов, команчи стали основной проблемой для Новой Мексики. С одной стороны, их набеги серьезно беспокоили испанцев, но, с другой стороны, они стали важной частью экономики Новой Мексики, поставляя бизоньи шкуры и пленников, которых продавали в рабство. Поэтому испанцы продолжали торговать, отправив в 1742 г. на Равнины военную экспедицию, чтобы остановить набеги, но результатов она не принесла.

Тем временем команчи нашли еще одного торгового партнера — к 1740 гг. французы установили тесные торговые контакты с вичитами, а в 1747 г. им удалось примирить вичитов и команчей, и последние начали получать ружья в необходимом количестве. Начиная с набега на Пекос, произошедшего в 1746 г., испанская Новая Мексика стала подвергаться массированным налетам со стороны команчей. Испанцы построили несколько новых крепостей, но это не принесло желаемого результата.

Одной из наиболее серьезных проблем в отношениях между белыми людьми и команчами являлось отсутствие у последних централизованной власти. Каждое из племен команчей заключало мир или начинало войну по своему усмотрению. Если договор заключался с одним племенем, остальные не соблюдали его, а собрать всех воедино было практически невозможно. В то время как одни команчи мирно приходили торговать с испанцами в Таос и Пекос, другие приезжали атаковать эти города. Таос подвергся нападению в 1760 г., а Пекос в 1746, 1750, 1773 и 1775 гг. Испанская карательная экспедиция 1768 г. закончилась ничем, как и многие другие.

Лишь в 1774 г. испанцам улыбнулась удача, когда объединенные силы из 600 солдат, милиции и индейцев пуэбло под командованием Карлоса Фернандеса атаковали лагерь команчей вблизи гор Спейниш-Пикс и захватили более сотни пленников. В 1779 г. губернатор Новой Мексики Хуан Баутисте де Анса организовал экспедицию из 500 солдат с 200 ютами и апачами в придачу. Испанцы захватили огромный лагерь команчей и в последующей битве убили одного из величайших вождей племени — Куэрне Верде (Зеленый Рог). После этого число рейдов и набегов заметно сократи-

лось, а спустя несколько лет де Ансе удалось не только заключить мир с команчами, но и помирить их с ютами.

В 1778 г. основной проблемой испанцев стали липаны и другие апачи, жившие в Техасе вдоль р. Рио-Гранде, и они начали рассматривать возможность союза против них с вичитами и команчами. В сентябре 1785 г. в Бехаре был заключен мир с команчами и вичитами, а в 1789–1790 гг. они помогли сокрушить липанов в южном Техасе, вынудив их уйти на север Мексики. В 1810 г. вождь команчей Эль-Сордо отделился от своих людей и начал совершать набеги на Техас и Мексику. В 1811 г., во время посещения Бехара, он был арестован и посажен в тюрьму в Коауиле. Огромный военный отряд команчей появился у Бехара, а навстречу им вышли 600 испанских солдат. Битвы не произошло, но отношения между техасцами и команчами с тех пор уже никогда не были такими, как прежде.

Приблизительно в 1790 г. у команчей появился новый союзник: переместившееся на Южные равнины с севера небольшое, но крайне агрессивное племя кайова. Первые упоминания о кайовах появились в испанских сообщениях еще в 1732 г. Позднее Берландье сообщал о них: «Кайовы схожи с арапахо и команчами, и их часто путают с последними, поскольку они иногда ставят лагерь вместе».

Лагерь команчей вождя Железные Горы

Кайовы были очень гордыми людьми, даже их самоназвание «га-и-гву» или «ка-и-гву» означает Главные Люди. Прежде кайовы жили на севере в районе Черных Холмов, но были вытеснены оттуда могучими сиу и шайенами. Такова официальная версия. Возможно причина их миграции в южные степи была иной, а война с сиу лишь подтолкнула племя быстрее переместиться поближе к богатой табунами великолепных скакунов Новой Мексики. Местные индейцы, команчи, не были рады непрошеным гостям, много крови пролилось с обеих сторон, прежде чем в конце XVIII в. они не заключили мир, который ни разу впоследствии не был нарушен. Кайовы переправились на южный берег р. Арканзас и стали жить на землях команчей, совершая вместе с ними набеги и рейды на поселения Техаса и Мексики. Со временем племена сблизилось настолько, что многие кайовы начали жить среди команчей и наоборот. Они часто вместе ставили лагерь, вместе охотились и воевали, делили радости и невзгоды, победы и поражения. Они стали братьями, и властвовали над огромной территорией американского штата Техас, и мексиканских Сонора и Чиуауа. Чтобы читателю было легче представить, насколько велики были их владения, достаточно заметить для примера, что одни только земли Техаса превышают территорию современной Украины.

Вместе с кайовами на юг переселились атапаскоязычные кайова-апачи, которые были настолько близко связаны с ними, что даже имели свое определенное место в их лагерном круге.

Кайова-апачи сумели сохранить свой язык, хотя большинство культурных аспектов заимствовали у кайовов. До поселения в резервации оба племени вместе делили все радости и тяготы свободной жизни. В первых французских сообщениях XVII в., отчетах Льюиса и Кларка, а также в договоре с правительством США от 1837 г., кайова-апачи появляются под названием «гатаки». Несмотря на одно происхождение с апачами Аризоны и Нью-Мексико, они узнали об их существовании только в начале XIX в. Прежде кайова-апачи вместе с кайовами жили на севере в районе Черных Холмов, а затем ушли на Южные равнины. В 1805 году исследователи Льюис и Кларк сообщали, что кайова-апачи живут в верховьях двух развилки р. Шайен в районе Черных Холмов на северо-востоке Вайоминга. Берландье, путешествовавший по

Южным равнинам в 1828 г., писал о «свирепости» кайова-апачей. Генерал Теран в том же году определил их численность всего в 80–100 семей. В 1853 г. о кайова-апачах сообщалось как о воинственном племени, кочующем в районе р. Канейдиэн, на землях, занимаемых команчами, с которыми они часто отправлялись в совместные военные экспедиции.

Кайовы среди равнинных племен считались самыми дикими и кровожадными. «В Сент-Луисе в разные времена я видел много индейцев, но никто не выглядел так дико и свирепо, как эти», — описал свою встречу с кайовами торговец и траппер Уильям Гамилтон. Опытному жителю Фронттира, ему было с кем сравнивать, и первые впечатления не обманули его. Лейтенант Аберт в 1845 г., напротив, отзывался о кайовах как о людях «честных, храбрых и энергичных», во всех отношениях превосходящих команчей. Д. Бэйкер в 1860-х гг., выражая мнение техасцев, писал о них как о племени «воинственном и коварном». Племя было небольшим, но пропорционально к своей численности, его воины убили больше белых людей, чем любое другое племя Дикого Запада.

До поселения в резервацию кайовы делились на две части, известные как токинахьюп, или Люди Холода, и гвахалего — от команчского квахади. Эти термины были эквивалентны деле-

Торговый пост Уильяма Бента — Форт Бента

нию племени на северную и южную части. Первая кочевала вдоль р. Арканзас и границы штата Канзас, а вторая больше времени проводила с команчами в Стейкед-Плейнс. Кроме того, кайовы делились на шесть общин, одну из которых — куато — приблизительно в 1780 г. полностью уничтожили сиу. В лагерном круге, начиная от входа, общины располагались в следующем порядке: ката (Отрезанные), когуи (Олень), кайгву, кингеп (Щит), семат (кайова-апачи) и конггальюи (Черные).

В 1821 г. Мексика завоевала независимость от испанской короны, и на следующий год Франсиско Руис заключил мир с техасскими команчами. Но правительство не имело достаточно денег для оплаты обещанных подарков, и в течение двух лет команчи возобновили набеги.

В 1827 г. команчи снова пришли в Сан-Антонио заключать мир. По словам Берландье, индейцы заключали мир с великой помпой и их церемонии имели символический характер. Сперва вожди встали в круг и поклялись в присутствии Солнца и Земли, что никогда более не причинят вреда жителям Мексики. Затем в центре круга вырыли в земле яму и положили туда немного пороха, несколько сломанных стрел и ножей, после чего забросали яму землей. Это означало, что с этих пор оружие навсегда зарыто, и не будет применяться по отношению к мексиканцам. «Формула миротворчества между двумя дикими народами, — писал торговец Эдвин Дениг, — представляет собой нечто весьма утомительное. Церемонии с трубкой мира, речами и т.п. обычно занимают добрую часть дня». Церемония заключения мира варьировалась у разных племен и, судя по всему, не была жестко регламентированной. В случае особой необходимости она могла быть сокращена до минимума. Обычно каждая из сторон садилась полукругом, и таким образом они образовывали круг, после чего раскуривалась трубка. Раскуривание священной трубки было неотъемлемой частью церемонии заключения мира во всех племенах, и желая сказать, что мир был нарушен, индейцы говорили: «Была сломана трубка». Если во время обсуждения возникали разногласия, индейцы не принимали трубку и не прикасались к ней. Если присутствовала сторона, с которой не желали мирных отношений, при передаче трубки по кругу этих людей игнорировали. В такое положение однажды попал белый торговец Джеймс Томас в лагере команчей, но оказавшись человеком

находчивым, он воспользовался знанием индейских обычаев, и сумел добиться дружбы краснокожих. Он достал свою трубку, медленно набил ее табаком, после чего пробубнил себе что-то под нос, якобы обращаясь к Высшим Силам. Затем торговец зажег трубку и одной рукой протянул ее повод, а другой — дары в виде табака и вампума. «Я хорошо знал таинство этого предложения и то, что индеец не осмелится оскорбить Великого Духа, отказавшись принять в дар табак и вампум даже от злейшего врага. Повод долгое время колебался, но потом медленно протянул руку, принял дары, и выкурил трубку... Ситуация изменилась и все дружески приветствовали меня».

Однако ни этот новый договор, ни другой, подписанный в Эль-Пасо в 1834 г., не смогли остановить атак краснокожих. С 1835 г. в Соноре, Чиуауа и Дуранго были даже установлены денежные вознаграждения за скальпы индейских врагов, но и это не смогло исправить ситуацию. К 1840 г. военные отряды команчей нападали по всей северной территории Мексики, иногда оставаясь там по три месяца. В том же году команчи и кайовы заключили мир с шайенами, и с тех пор воины трех племен выступали единым фронтом.

Инициатором переселения части шайенов на Южных равнинах стал известный на Западе торговец Уильям Бент, построивший в 1832 г. в верховьях р. Арканзас торговый пост Форт Бента.

Хотя у него имелось много друзей среди различных племен, наиболее близко он общался с шайенами, и был женат на дочери вождя. Бент пригласил шайенов откочевать на юг, где он мог бы торговать с ними. Огромная часть племени последовала его совету. Так племя разделилось на две части, ставшие известными, как Северные и Южные. Переселение на юг положило начало жестокой войне шайенов с кайовами и команчами. С обеих сторон погибло так много выдающихся людей, что вожди враждующих сторон наконец задумались о прекращении кровопролитной войны. Одним из лидеров кайовов, принимавших решение о заключении мира или продолжении войны, был вождь Сатанк (Сидящий Медведь). Он так же присутствовал на предварительном совете с шайенами вместе с верховным вождем племени Дохасаном (Маленькой Горой).

Спустя некоторое время племена встретились: шайены встали на северном берегу реки, кайовы и команчи на южном. Верховный

вождь шайенов вскочил на коня, переправился на другой берег, и пригласил вождей команчей и кайовов приехать в его лагерь на пиршество. После пира Дохасан сказал, чтобы на следующее утро все шайены, даже женщины и дети, пришли в лагерь южан и сели в длинный ряд. Он особо отметил, чтобы они приходили пешком, потому что уедут на лошадях.

Утром шайены пересекли реку и расселись в несколько рядов. Мужчины заняли места впереди, женщины и дети позади них. Первым к гостям подошел Сатанк. Подмышкой он нес большую связку палочек. Проходя вдоль сидящих мужчин, он раздавал каждому по палочке, а когда те закончились, наломал новых. Дохасан предупредил шайенов, чтобы они не выбрасывали их, потому что позже смогут подойти и получить взамен лошадей. Южане подарили новым друзьям много лошадей, но Сатанк оказался самым щедрым. Он отдал двести пятьдесят голов! Некоторые незначительные по статусу мужчины и женщины получили по шесть лошадей, а вожди и влиятельные люди гораздо больше. Никогда еще у шайенов не было столько коней! У них не хватало веревок, чтобы отвести животных в свой лагерь, и они перегоняли их табунами. Мир, заключенный тогда, никогда не был нарушен.

Сатанк не помнил Черных Холмов, но знал, что родился возле них. Точная дата неизвестна, и в разных источниках варьируются от 1800 до 1818 года. Семья его была богатой и принадлежала к элите племени, называемой *«онгон»*, что переводится *«прекрасный, совершенный, лучший»*. Люди этой касты известны были как *«ондейдо»*. Чтобы соответствовать рангу, они должны были хорошо выглядеть, обладать богатством, быть щедрыми, уметь преподнести себя. Но самое главное, ондейдо должны были проявить себя на тропе войны. Последнее качество перевешивало первые четыре и являлось основным отличием от следующей по рангу касты ондейгупа. Люди второй категории обладали теми же качествами, что и ондейдо, кроме воинских заслуг. Как бы ни был богат ондейгупа, никакое богатство не могло проложить ему путь на вершину аристократического сословия племени. Только проявив себя на войне, он мог подняться до ранга ондейдо. Отношение к третьей категории — *«коон»* (*бедный, немущий*), хорошо иллюстрирует фраза, брошенная одним из кайовов: «Они тоже люди. Они всегда были здесь». Четвертую касту — *«дапом»*, составляли никчемные, вороватые люди.

Сатанку повезло, он родился в семье ондейдо, но, по обычаю, от этого не стал таковым автоматически, а был всего лишь сыном ондейдо. Благодаря поддержке семьи он имел достаточно имущества, чтобы не быть коон или дапом, однако без воинских заслуг мог рассчитывать только на ранг ондейгупа. Ондейдо мог быть даже невоспитанным, как дапом, но если обладал значительными боевыми заслугами, на это не обращали внимания. Сатанку самостоятельно предстояло добиться признания на тропе войны, чтобы заслужить уважения. Путь этот был сложен и рискован. Кайовы говорили, что только 30 % сыновей ондейдо сами становились ондейдо, 40 % переходили в категорию ондейгупа, а остальные опускались до коон и дапом.

Сатанк много времени проводил в военных походах, и не только прославился, а стал лучшим из лучших. Он достиг вершины воинской иерархии племени, войдя в общество Каитсенко (Насто-

Верховный вождь кайовов Дохасан. Худ. Дж. Кэтлин

ящие Псы). Состояло оно из десяти самых опытных и храбрых бойцов, и Сатанк по праву занял место их лидера.

Быть Каитсенко означало постоянно подвергать себя смертельной опасности, всегда драться на самых горячих участках битвы. Их лидеру приходилось еще тяжелее. Он носил шлейф, который в бою пригвождал к земле церемониальной стрелой. Как бы не разворачивались события, он не сходил с места, и бился до конца. При отступлении воины могли освободить его, выдернув стрелу из земли, но если в панике забывали о нем, человек погибал.

К концу 1830-х гг. Сатанк уже был влиятельным человеком в племени. В 1845 г. его повстречал лейтенант Аберт, и описал носимый им шлейф Каитсенко. Сделанный из оленьей кожи и выкрашенный в черный цвет, шлейф на верхнем конце имел прорезь для головы и руки, а нижний его конец волочился по земле. Судя по всему, Сатанк к тому времени уже несколько лет был лидером Настоящих Псов.

СЕВЕРНЫЕ РАВНИНЫ. ВОЙНА С АРИКАРАМИ, 1823 г.

Первые контакты белых людей с оседлыми арикарами были установлены в 1770 г. — французские торговцы обнаружили их селения на р. Миссури, ниже р. Шайен. Индейцы возделывали землю, выращивая маис, бобы, кабачки и тыквы, которые в периоды перемирий обменивали у кочевых племен на бизоньи шкуры, кожи и мясо, а все это, в свою очередь, меняли у торговцев на одежду, кухонную утварь, ружья и т.п. Некоторые исследователи упоминают редкое для тех мест умение арикаров плавить стекло, с последующим разливом его в формы для изготовления украшений.

Три эпидемии оспы, случившиеся до 1795 г., сократили численность племени с 32 деревень до двух, расположенных недалеко от деревень манданов и хидатсов. Ко времени экспедиции Льюиса и Кларка (1804 г.) племя жило в трех селениях между реками Гранд и Кэннонболл в Дакоте, и насчитывало около 2600 чел., из которых более 600 были воинами.

Изначально арикары были дружелюбно настроены по отношению к Соединенным Штатам, но вскоре, в результате интриг между торговыми компаниями, стали проявлять враждебность. Когда в 1805 г. во время поездки в Вашингтон умер их вождь, арикары решили, что американцы убили его. Трюдо сообщал, что арикары терпят торговцев только потому, что те снабжают их необходимыми товарами, в частности боеприпасами, а другой торговец считал, что вести с ними дела сложнее, чем с каким-либо другим племенем. По словам Эдвина Денига, в начале XIX в. мало кто из торговцев отваживался жить среди них, а те, кто пытался, погибали. Нападения и грабежи, совершаемые арикарами, происходили все чаще, пока в июне 1823 г. они не атаковали очень крупный отряд трапперов¹.

¹ Трапперы (от англ. *trap* — капкан). Белые охотники первой половины XIX века, добывавшие пушнину с помощью капканов. Делились на свободных трапперов, которые охотились самостоятельно, и трапперов, нанятых на сезонную работу различными пушными компаниями. Основная часть их охотилась в районах, прилегающих к Скалистым горам, в результате чего они постоянно вступали в вооруженные конфликты с враждебными индейцами.

В 1823 г. Уильям Эшли и Эндрю Генри организовали в Сент-Луисе «Меховую компанию Скалистых гор» и дали в местных газетах объявление о наборе «сотни предприимчивых молодых людей», готовых отправиться с ними к истокам р. Миссури добывать меха на неосвоенных землях Запада. В «Сотню Эшли», как назвали бригаду трапперов, вошли такие прославившиеся впоследствии первопроходцы, как Джедедия Смит, Томас Фицпатрик, Джим Бекурт и братья Саблетт.

30 мая того же года суда «Йеллоустон-Пакет» и «Рокки-Маунтин», на которых перевозилась бригада, бросили якорь на р. Миссури в узком речном канале напротив двух деревень арикара. Эшли хотел выменять у индейцев лошадей, но время выбрал не самое подходящее — в недавней стычке со служащими «Миссурийской меховой компании» у Кедрового форта были убиты два воина арикара, и один из них, по слухам, приходился сыном вождю племени. Эшли встретился с вождями Серые Глаза и Маленьким Солдатом. Первый подарки принял, второй отказался, после чего вожди удалились в деревню обсудить просьбу белого коммерсанта на совете племени. Вечером Серые Глаза снова встретился с Эшли и обменял 19 лошадей и 200 бизоньих шкур на 25 мушкетов, порох, пули и другие товары. Оставив на берегу 40 человек охранять лошадей, Эшли вернулся на борт, полагая, что диалог с ариками налажен. Однако, он ошибался.

Бригада пробыла около деревень ариков еще два дня. Вожди Маленький Солдат и Медведь предупредили Эшли, что некоторые воины планируют напасть на трапперов, но, несмотря на угрозу, переводчики Эдвард Роуз и Аарон Стивенс отправились в нижнюю деревню, где им ранее обещали предоставить на ночь женщин. Пока два похотливых переводчика рисковали жизнью ради сомнительного удовольствия, три воина проникли на «Рокки-Маунтин» и попытались убить Эшли. Акция не удалась, нападавшим пришлось ретироваться. Вскоре прибежал Роуз, сообщив, что вместо приятного времяпрепровождения Стивенс лишился скальпа, а сам он едва унес ноги.

Трапперы решили покинуть опасное место и отправиться в путь с первыми лучами солнца, но арикары не желали отпускать их без боя. 2 июня, на рассвете, находившаяся на берегу группа была неожиданно обстреляна индейцами из-за частого нижней деревни. Огонь был столь плотным, что на берегу возникла

Воин арикара. Худ. Ч. Бодмер

Бросающий Медведь, арикара

паника, несколько трапперов и лошадей упали замертво. Эшли приказал направить «Рокки-Маунтин» к берегу и спасти оказавшихся в беде товарищей, однако перепуганная команда воспротивилась. Команда «Йеллоустон-Пакет» оказалась храбрее, но в спешке посадила судно на мель. Итогом схватки стали 12 убитых и 10 раненых трапперов, двое из которых позднее умерли. Эшли

Черная Лиса, арикара

хотел продолжить путь к форту Генри, но с ним согласились всего 30 человек, остальные пригрозили покинуть коммерсанта. В итоге суда спустились на 75 миль по реке, где 7 июня основали базу на острове вблизи устья р. Шайен. Оттуда Эшли отправил в форт Аткинсон «Йеллоустон-Пакет» с 5 ранеными и 43 людьми, решившими, что с них достаточно «приключений».

18 июня судно прибыло к форту Аткинсон и несостоявшиеся «предприимчивые молодые люди» информировали командира 6-го пехотного полка полковника Генри Ливенворта о случившемся. Посовещавшись с индейским агентом Бенджамином О'Фаллоном, полковник решил, что арикары должны понести наказание, и 22 июня из форта Аткинсон выступила целая флотилия — карательная экспедиция Ливенворта насчитывала 230 солдат и офицеров и имела на вооружении две шестифунтовые пушки. 27 июня к ней присоединились два судна «Миссурийской меховой компании», на борту которых находилось около 50 трапперов Джошуа Пилчера, и имелась пятифунтовая пушка. Спустя три дня экспедиция пополнилась остатками бригады Эшли и приведенной к ней из форта Генри подмогой во главе с Эндрю Генри — около 80 человек. Кроме того, к солдатам и трапперам присоединилось около 750 воинов враждебных арикарам сиу.

По прибытии к деревням арикаров Ливенворт провел серьезные приготовления к битве. Огромное количество хлопчатобумажной ткани было нарезано и заготовлено в качестве бинтов для возможных раненых, из чего сиу решили, что предстоит настоящая бойня. Это порадовало воинов, они любили хорошо подраться.

Девятого августа Ливенворт тщательно спланировал операцию, намереваясь напасть внезапно. Полковник попросил конных сиу держаться в стороне, отрезав арикарам пути к бегству, но разрозненные отряды воинов первыми атаковали ничего не подозревавших арикаров и загнали их под защиту деревенского частокола. Сиу убили 10–15 арикаров, а сами потеряли 2 убитыми. На этом боевые действия закончились.

На следующий день солдаты и трапперы атаковали обе деревни, но не смогли захватить их. Пушечным огнем было разрушено несколько домов в нижней деревне, убит вождь Серые Глаза. Арикары ранили нескольких нападавших, после чего атака неожиданно была отозвана. Индейцы хотели атаковать деревню самостоятельно, но Ливенворт остановил их, выслушав со стороны трапперов и офицеров несколько нелицеприятных выражений. В итоге сиу потеряли интерес к непонятной для них стратегии белого полководца и занялись сбором урожая с полей арикаров.

Вскоре вожди арикаров запросили мира и Маленький Солдат пообещал Ливенворту более не препятствовать передвижениям белых людей по Миссури и принимать их в своих деревнях, как

Земляной дом в деревне арикаров

друзей. Полковник потребовал вернуть награбленное у Эшли имущество и лошадей. Во время переговоров вспыхнула ссора между переводчиком Пилчера и одним из арикаров, после чего вожди прервали обсуждение и поспешили вернуться в деревню. Под давлением офицеров и трапперов Ливенворт вынужден был согласиться возобновить атаку на следующий день, если арикары безропотно не примут все условия перемирия.

В ночь на 14 августа арикары всем племенем тайно бежали, проскользнув мимо выставленных врагами постов. Ливенворт не стал их преследовать. В одной из опустевших деревень солдаты обнаружили только старую женщину, мать убитого вождя Серые Глаза, да полсотни собак. На этом первая война правительства США с индейцами Равнин закончилась.

В рапорте об «успехах» карательной экспедиции Ливенворт отметил, что было убито около 50 арикаров, тогда как Пилчер сообщил всего о 20 погибших краснокожих. Обе деревни были со-

жжены, а сиу уехали, украв напоследок у воинства Ливенворта и трапперов несколько лошадей и мулов.

«Кровь наших сограждан благородно отмщена, — докладывал Ливенворт, — арикары покорены таким образом, каковой научит их и прочие индейские племена уважать американский род и характер». Однако на деле, первая армейская экспедиция против индейцев Великих равнин закончилась полным провалом и имела крайне негативные последствия для дальнейшей военной истории региона. Могучие сиу ничего не знали о правительственных инструкциях, субординации и приказах командования. Их военная система строилась совсем на других принципах, и потому они решили, что солдаты попросту трусили. Они увидели мощь армии США, возможности пушек, качество вооружения солдат и их количество, но они увидели также, что солдаты были трусами, не способными справиться со слабым врагом. Даже спустя три десятилетия старые сиу, заведя перевязочные материалы, смеялись и рассказывали о глупых солдатах, готовящихся к бою у деревни арикаров. Если бы в те дни арикары были разгромлены и перебиты, история индейских войн на Великих равнинах, возможно, была бы менее кровопролитной, а краснокожие более сговорчивыми.

В 1825 г. арикары подписали свой первый договор с США, по которому признали верховную власть правительства и согласились торговать только с американскими гражданами, чью жизнь и имущество обещали защищать, а все сложные ситуации регулировать с помощью официальных представителей Соединенных Штатов. Враждебность племени по отношению к белым людям стала не такой открытой, но продолжалась до эпидемии оспы 1837 года, когда численность арикаров значительно сократилась.

Вследствие нападения Ливенворта и отсутствия урожая в течение двух последующих лет, арикары покинули Миссури и присоединились к скиди-пауни на р. Луп в штате Небраска, где провели три года. Враждебность арикаров к белым сделала их опасными и нежелательными соседями, в результате пауни попросили их вернуться на Миссури. Зимой 1832–1833 гг. арикары были в землях кроу, где на льду р. Йеллоустон отрядом их воинов были захвачены врасплох и убиты три траппера, среди которых был и прославленный Хью Гласс. Чуть позже на р. Паудер арикары попытались украсть лошадей у трапперов Джонсона Гарднера, в результате

Желтый Барсук, арикара

чего три воина были захвачены в плен. У одного из них оказался нож Хью Гласса. Группа арикаров вступила с трапперами в переговоры об обмене пленников, но на требование Гарднера вернуть всех украденных лошадей индейцы ответили отказом. Пленники, поняв, какая незавидная участь их ожидает, попытались сбежать.

Одному удалось скрыться, двоих других трапперы застрелили и скальпировали. В июне 1835 г. капитан Форд встретил арикаров в районе р. Платт и отметил, что они не имеют постоянной деревни и кочуют, живя в кожаных типи¹. В 1836 г. они послали две делегации к манданам, сообщая, что хотят вернуться. Весной 1837 г. арикары появились у деревни манданов и были радушно приняты: основная часть племени поселилась у манданов, а около 20 семей обосновалось у хидатсов. В июле разразилась страшная эпидемия оспы: по сообщениям Шадоне умерло 7/8 манданов и 1/2 арикаров.

Необходимость выживания племени при постоянных нападениях агрессивных сиу и шайенов вынудила арикаров объединиться с манданами и хидатсами, и искать защиты у американского правительства. Прежние распри были забыты. В 1870-х гг. арикары служили в армии США разведчиками, охотниками и почтовыми курьерами. Особо отмечена их служба в исследовательской экспедиции подполковника Джорджа Кастера в Черные Холмы в 1874 г. и в военной экспедиции против сиу и шайенов в 1876 г.

¹ *Tipi* — конусообразная палатка из кожи. В зависимости от племени, в типи обычно проживало от 5 до 10 человек. В XIX в. численность общин и племен часто вычислялась по количеству палаток.